

83.3(2)

Д 16

109918

КОЛАЙ ДАМДИНОВ

**ГРАНИЦЫ
ПОЭЗИИ**

ЭЗ.3(2)

Д16

НИКОЛАЙ
ДАМДИНОВ

*Ксено — хорошему
 другу, хорошему —
 другу, хорошему —
 с пожеланиями
 в эстетическом —
 развитии!*

Н. Дамдинов

12/II 62г.

**ГРАНИЦЫ
ПОЭЗИИ**

(ЛИТЕРАТУРНЫЕ ЗАМЕТКИ)

БУРЯТСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
УЛАН-УДЭ * 1962

109918 2

МАУ ЦБС
 г. Улан-Удэ

ОТ АВТОРА

Можно ли поэту писать статьи на литературные темы? Можно, но лучше, если он предпочтет статьям стихи, ибо, поскольку он называет себя поэтом, читатели прежде всего ждут от него стихов, а не досужих размышлений на тему, какова должна быть поэзия.

Однако в литературной практике очень часто возникает необходимость выступить с защитой своих позиций по вопросам мастерства, техники, творческого метода. Тут уже никто не может упрекнуть поэта в измене своему ремеслу.

В настоящей книжке собраны мои выступления за последние годы в журналах «Дружба народов», «Байкал» и «Литературной газете». Поскольку вопросы, которые затронуты в этих статьях (о лирике, о национальном колорите и современности, о поэтических переводах, об учебе у мастеров) не относятся к разряду однодневных, а являются вопросами жизни и развития поэзии, автор осмелился выпустить свои статьи отдельным сборником.

Автор будет рад, если читатели воспримут эту книжку не как ученый литературоведческий труд, «исчерпывающий тему», а как живой полемический голос с трибуны, куда открыт доступ всем, кому не безразличны судьбы поэзии.

КОРНИ И ПЛОДЫ

1

Когда мы говорим о культуре таких народов, как наш бурятский, то прежде всего отмечаем, что в течение всей предыдущей истории бурятского народа,—эта история измеряет свои шаги веками,—мы не находим ничего, хоть относительно напоминающего тот бурный расцвет духовной жизни народа, какой начинается после Великой Октябрьской социалистической революции. Сегодня бурятский народ может гордиться своим национальным театром, своей литературой, своими учеными, педагогами, врачами, писателями, артистами, художниками, а за все существование дореволюционной Бурятии на протяжении веков можно назвать только несколько имен, только несколько выдающихся людей, которым удалось пробиться к свету знаний. Первый бурятский ученый Доржи Банзаров, выдающийся монголовед, первый исследователь Тибета, награжденный премией имени Пржевальского Гомбожап Цыбикович Цыбиков прославили не только свой родной бурятский народ, но заслужили доброе имя и признание в научном мире русского народа, который выпестовал из них ученых. Передовые ученые Петербурга, Казани, Москвы радостно приветствовали успехи лучших сынов нашего народа. Эта благородная традиция дружбы после Октябрьской революции превратилась в нерушимый закон братства.

Говоря о состоянии культуры бурятского народа до Октябрьской революции, следует прежде всего сказать об устном народном творчестве. Из поколения в поколение передавались прустные песни старины. Девушка жаловалась на свою печальную долю — ее выдали замуж за нелюбимого, продали за богатый калым. Или

же это были размышления седых старцев, задумавшихся над одним из вечных вопросов человечества — о смысле жизни. Устное народное творчество сохранило для нас и свадебные песни, и песни, которые пелись в честь коня — победителя в беге. Есть остроумные, колочие песни-импровизации, в которых певцы, состязавшиеся в мастерстве перед толпой народа, подсмеивались друг над другом. А иногда эти же певцы начинали высмеивать не друг друга, а известных в округе богачей, подымали на смех их жадность и глупость. И песня летела дальше, и уже никакой властью нельзя было ее удержать. Вот почему певцов боялись те, у кого совесть была нечиста, вот почему богачи старались их приручить, приласкать, хотя в душе ненавидели.

Были еще и эпические поэмы о подвигах легендарных богатырей — улигеры. Были и онтохоны, которые по содержанию более приближались к жизни. Если в улигерах говорится о могучих богатырях, сошедших с неба, а подчас и о богах, то в онтохонах все чудеса происходят от смекалки и ловкости героев — земных людей. В улигерах нас восхищает их былинный, эпический характер, поэзия героики, которой они щедро наделены, а в онтохонах мы удивляемся лукавому остроумию народа, тому, как из любых затруднений умеет выходить простой труженик.

Устное народное творчество — это своеобразная летопись. В ней запечатлены мысли и чувства наших далеких предков. «В курганах книг, похоронивших стих, железки строк случайно обнаруживая, вы с уважением ощупывайте их, как старое, но грозное оружие», — писал поэт. Тем более эти слова должны относиться к народному творчеству, потому что это оружие шлифовалось и чеканилось на протяжении столетий. Все лишнее, ненужное постепенно отбрасывалось, в арсенале оставалось только то, что выдерживало испытание временем. Это живой родник, откуда берут начало наши сегодняшние поэзия и проза, наша драматургия.

У бурятского фольклора есть интересная особенность. В русских былинах и сказаниях точно указаны границы, географические приметы (стольный Киевград, Муромские леса и т. д.), а также враги, с которыми русскому народу приходилось иметь дело в далеком прошлом (печенеги, злы татарове). У нас же в бурят-

ском эпосе действие в большинстве случаев происходит «под крыльями семидесяти семи небес»; враги в улигерах носят условные имена с устрашающими созвучиями. Так, во многих улигерах фигурирует страшный мифический «зуун табан толгойтой зуудаг шара Мангадхай» (стопятиголовый, проглатывающий Мангатхай) или же «живущий на далеком-дальнем юге Якша Хара Абгай, с тридцатью тремя главами, с красными, огромными, как обруч, глазами и двумя опромными рогами». В качестве географических примет указывается только далекий-дальний юг или же далекий-дальний север, запад или восток; причем эти стороны указываются по принципу — где складно придется. И портреты в улигерах достигают такой степени гиперболизации, на какую способна только фантазия улигершина.

Это неслучайная особенность. Старинные русские былины XII—XV веков отражают в какой-то мере процесс централизации русских княжеств, образования русского государства. Недаром во многих русских былинах упоминаются исторические личности — князь Владимир Красное солнышко, царь Иван Васильевич Грозный. А та географическая и историческая абстрактность, какая имеет место в бурятских эпических произведениях, говорит о раздробленности бурятских племен, о еще низкой общественной организации у бурят в прошлом. Первые песни и сказания, основанные на более или менее исторически достоверных фактах, относятся к тому периоду, когда начала устанавливаться государственная граница между Китаем и Россией, проходившая как раз по территории Бурятии. Этот период оставил о себе память в песнях легендарного Шэлдэй-Занги, якобы действительно существовавшего батора. Легенда о Шэлдэй-Занги является первой конкретной, взятой в действительно исторической ситуации песней во славу родной земли. И не случайно именно к установлению границы между двумя государствами относится эта патриотическая песня-легенда. Это говорит о гордости, охватывающей народ, который устанавливает государственные границы. К. Маркс, как известно, считал, что «Слово о полку Игореве» — это пламенный призыв к объединению русских княжеств перед нашествием татар. Легенду о Шэлдэй-Занги можно рассматривать как отклик народа на факт международного признания бу-

рят (ибо установление границ — безусловно акт международного значения).

И в дальнейшем все крупные исторические события, в которых так или иначе принимали участие буряты, находят отголосок в их песнях. Первая империалистическая война, когда царское правительство сгоняло бурят к местам военных действий, на тыловые работы, также отразилась в народном творчестве. Империалистическая война была чужда и непонятна народу. Поэтому песни тех лет носят безрадостный характер. Прощание с родным краем, боязнь неизвестного будущего, плач по уезжающему — таковы лейтмотивы песен о первой империалистической войне. Тут нет абстрактных врагов-чудищ или райских стран, которые силой воображения создавал улигершин, тут мы сталкиваемся с обыкновенным человеческим горем, встречаем названия действительно существующих городов и станций: «Запряженные в телегу кони до Тэлэмбы доедут и возвратятся. А мы, увезенные насильно, возвратимся иль нет, бог знает».

Или же вот как провожают родители своего единственного сына на империалистическую войну, на службу царю. Тут и любовь стариков к сыну, и бессилие перед властью жестокого царя:

«Прибрежный камень был тяжел, но как он ни тяжел, покатился легко по волнам матери-моря. Сын отцовский был изнеженный, но как бы то ни было, он поехал на службу хозяина-царя».

Бесправное, угнетенное положение бурят в царской России проявлялось не только в том, что очень слабо была развита культура народа, что буряты не имели своей письменности, но и в том, что в произведениях устного народного творчества чрезвычайно слабо и расплывчато говорится о родине, о народе. Перелистайте сборники дореволюционного фольклора и сравните их с молодой советской бурятской поэзией. Вы увидите, что в дореволюционных произведениях почти не выражается самосознание народа. Но эти темы широко разрабатываются в советской бурятской литературе.

2

Ближе всего к своему источнику — к устному народному творчеству — находится поэзия. Письменная лите-